

**Горбушева Екатерина Викторовна,
заведующий литературным отделом
БУК ВО «Белозерский областной краеведческий музей»**

**«В ГРОХОТЕ ВЕТРОВ НЕЛЬЗЯ МОЛЧАТЬ».
БОЕВОЙ ПУТЬ С.С. ОРЛОВА ЧЕРЕЗ СТИХОТВОРНУЮ ПРИЗМУ**

«Лучшие страницы книг поэтов фронтового поколения, вышедшие через тридцать лет после победы, я бы сравнил с языками пламени Вечного огня, который был зажжен по стране над могилами солдат, - говорил Орлов. - Поэтический пламень также чист и горяч и светит всем живым памятью о павших. Героический подвиг советского народа в войне за свободу и независимость никогда не станет достоянием прошлого в нашей литературе. Нравственные силы, духовная высота, идейное единство личных устремлений миллионов советских людей во время Великой Отечественной войны с фашизмом стали высшими принципами послевоенного мира, гарантирующими главное право человека на жизнь без войны на нашей планете.

Без пережитого и прочувствованного во фронтовой юности, без личной биографии нет и не может быть у поэтов нашего поколения стихов не только о войне, но и о любви, о природе, потому что они меряют фронтовой мерой все чувства, и поступки, в том числе и вдохновение, проверяются этими же критериями».

- Говорит Москва! В тот день, 22 июня 1941 года, столица сообщила скорбную весть о внезапном нападении фашистской Германии.

В конце июня 1941 года финские войска, находящиеся под влиянием Германии, обладая четырёхкратным превосходством, прорвали оборону Советских войск на участке Лоймола – Колатсельга.

Сорок первый год

Стихи сочинены о тех, о нас,
Написаны картины, фильмы сняты,
Как нас июнь внезапностью потряс –
Счастливых, ясноглазых, неженатых.
И в жизни полетело всё вверх дном...
Да, ничего не знали мы заранее,
Но нас еще в году сороковом
Насторожил тот договор с Германией.
И мы не собирались, кто в какой,
Направить в институты заявления –
Мы твердо знали, что из школы в строй
Нам осенью идти на пополнение.
Как танков было мало, как войска
Свои искали в небе самолеты
Напрасно... и брала солдат тоска,
И шли они в штыки на пулеметы.
Но что от нас зависело в тот час
Мы добровольно сделали и свято:
Нет, не пришлось выписывать для нас
Повестки писарям военкоматов.

С 24 июня 1941 года в Петрозаводске началось формирование истребительных батальонов согласно принятому постановлению Совета Народных Комиссаров СССР «Об охране предприятий и учреждений».

Личный состав батальонов формировался на добровольной основе из граждан, не подлежащих обязательной мобилизации. Батальоны направлялись на передовую, в места прорыва противником линии фронта, а также на уничтожение диверсантов и бандитских формирований в тылу.

С 25 июня 1941 года студент Петрозаводского государственного университета Сергей Орлов становится бойцом Отдельного Петрозаводского

истребительного батальона и вместе с другими добровольцами принимает участие в боях. Непонятно, как в такой неразберихе, в непрерывно вспыхивавшей и затихавшей перестрелке, в шквальных минометных налётах Сергей Орлов ухитрялся писать стихи.

Далеко течет река Шексна,
Волги нареченная сестра,
Я ее увижу только в снах
Редких и коротких у костра.

Высоко зеленая звезда,
Свет ее сияет над Шексной,
Легкая, певучая вода
Очень схожа цветом со звездой.

Белые березки на лугу,
Русские, знакомые до слез.
Так же вот на дальнем берегу
Шелестит листва родных берез...

Сядь же рядом, друг, поговорим,
Что-то смолк в лесах орудий гром,
Полчаса осталось до зари,
Тишина, знать, не перед добром...

Видишь над Ведлозером пожар,
Знать, отходят наши, тяжело.
Яростен врага слепой удар,
Много здесь товарищей легло...

Ты откуда сам, с реки какой?
Трудно... на войне как на войне,
Если что, поклон последний мой
Передай реке моей Шексне.

В ночь на 16 июля 1941 года бойцов истребительного батальона подняли по тревоге: финны развернули первое большое наступление на Петрозаводск. В районе Ведлозера, под деревней Красная Сельга, студенты добровольцы приняли бой с противником.

Истребительные батальоны преградили дорогу фашистской дивизии, вооруженной артиллерией и минометами, танками и автомобилями. У бойцов имелись только трофейные винтовки, бутылки с горючей смесью и несколько пулеметов.

И хотя вскоре их сменили регулярные армейские части, обстановка по-прежнему оставалась неясной и в любой момент добровольцев могли снова бросить в бой. Сергею Орлову повезло. Его не задела пуля автоматов «Suomi», живым и невредимым он вышел из-под Красной Сельги. В Петрозаводске остатки истребительного батальона были расформированы.

4 августа 1941 года Сергей Орлов призван в Красную Армию Зарецким РВК г. Петрозаводска, зачислен на должность красноармейца в 12-й запасной танковый полк Ленинградского фронта

Вскоре танковый полк был передислоцирован из Петрозаводска в окрестности города Пушкина. Здесь орудия малого и большого калибра выводились на прямую наводку, а танки зарывались в землю, чтобы отстреливаться до последнего.

В ночь с 17 на 18 сентября 1941 года – немецкие войска заняли город Пушкин.

Может, мне и осталось всего
Путь-дорога к немецким окопам

Танк разбитый, разрывы кругом,
Крови след на поблекшей осоке.

Он ведет, убегая, в лесок,
А в конце, там, где холм муравьиный,
Мне придётся улечься в песок,
Под деревьями руки раскинув.

И в опавшей листве золотой
Надо мною в тяжелом безлюдье
Прорастет березняк молодой,
Через ребра распавшейся груди.

Здесь постепенно умирает лето
В прохладе тростниковой сентября,
Огнем зари погаснувшей задеты,
Сады весь день торжественно горят.

За дымкой золотистой обмолота,
За кузовом прямым грузовика,
За голубым дорожным поворотом
Взьерошилась от холода река.

И в поздних волнах солнечного света,
Над берегом пустынным и крутым,
Березы, словно памятники лету,
Из серебра и бронзы отлиты.

С октября 1941 г. Сергей Орлов проходил обучение в составе 22-го Отдельного учебного танкового батальона на курсах усовершенствования командирско-технического состава при 30-м учебном танковом полку. Первоначально батальон разместился в г. Ленинграде на территории Кировского завода и вошел в состав Ленинградского учебного автобронетанкового центра. По своему профилю батальон готовил маршевые роты тяжелых танков КВ-1, выпускаемых заводом.

Октябрь 1941 года

Когда-нибудь я расскажу об этом,
О времени жестоком, о войне.
Пусть я миную смертные тенета,
Да доведется это сделать мне!

Но если будет Родине угодно,
Пусть лягу я, исхлестанный свинцом,
Лицом вперед,
На грудь земли холодной,
Колени, не согнув перед врагом.

... Пройдут года, придут другие люди,
Легка им будет молодая жизнь,
Но будет проклят тот, кто позабудет,
Что нашей кровью
Был залит фашизм!

А я желаю для себя немного:
Лишь мужества, чтобы идти вперед,

И чтобы дошел по всем путям-дорогам
К далеким дням вот этот мой блокнот...

В ноябре 1941 г. Кировский завод был эвакуирован в г. Челябинск, где вошел в Челябинский танковый завод, который стал именоваться Челябинский Кировский завод. Батальон продолжил подготовку танкистов по профилю KB-1, KB-1С. Программа подготовки экипажей производилась по программе, рассчитанной на 16 дней, и включала в себя: изучение материальной части, сборка и разборка машины, тактика, боевая стрельба, сборка экипажем своей машины совместно с рабочими завода и его обкатка. Первоначально производилась одиночная подготовка, затем боевое сколачивание в составе экипажей, взвода и, наконец, роты.

В декабре 1941 сержант танковых войск Сергей Орлов был направлен в глубокий тыл, в г. Челябинск.

Через края сосновых станций,
Спокойных рек, седых берез
Невидимую нить пространства
Мотал локтями паровоз,

Чтоб на безвестном перегоне,
Где дали синие легки,
Встал семафор на снежном склоне,
Урал открыв из-под руки.
1941 г.

22 ноября 1942 года Сергей закончил Челябинское танковое училище Уральского военного округа с классификацией «Командир танка» (башнер тяжелого танка KB-1С), с присвоением первого офицерского звания – «Лейтенант» (автобронетанковых войск).

Здесь, в Челябинске, Сергей Орлов, совместно с другим молодым литератором – Сергеем Телькановым – готовят к изданию небольшую книжечку стихов «Фронт». Книжка вышла в Челябинске после того, как лейтенант Орлов в составе танковой роты отправляется на фронт.

Сладок отдых нам в тесной землянке
С непривычною тишиной.
Громобойные замерли танки
В перелеске за мшистой стеной.

Что ж молчишь ты, товарищ бедовый,
И задумчиво смотришь в огонь?
Лучше с песней в землянке сосновой
Разверни на колене гармонь.

Отгремят, как тяжелые грозы,
Успокоятся эти года,
И к родным белозерским березам
Нас еще унесут поезда.

Там лесные просторы безбрежны
И летит над просторами прочь
Ветер с Ладоги, ветер с Онежья
В ослепительно белую ночь.

Или спляшем? Нет, очень уж тесно,
Мы попляшем еще... ничего,
Здравствуй тихая, теплая песня
С говорком вологодским на «о»!

Выпускники Челябинского училища были включены в состав танковых экипажей, из которых формировались маршевые роты на фронт. Командирами маршевых рот назначались офицеры, уже имеющие боевой опыт, многие из них были награждены боевыми орденами. На Челябинском заводе экипажам вручили тяжелые танки «КВ-1С» новейшей конструкции. В течение месяца на полигоне с маршевыми ротами проводилось боевое слаживание (вождение и боевые стрельбы). После завершения боевого сколачивания маршевые роты грузились в эшелоны.

3 февраля 1943 г. бойцам Красной Армии была передана танковая колонна «Куйбышевский колхозник». Ее построили на свои средства колхозники Самарской области, твердо верившие в победу. В счет строительства колонны они собрали свыше 100 миллионов рублей.

Сергей Орлов в то время сообщал матери Екатерине Яковлевне: «Послал телеграмму, наверное, уже получила? Еду с машиной пока что в Москву. Машина у меня «Куйбышевский колхозник». Может в кино увидишь момент вручения этих машин нам, заснято для хроники».

Дымные твои просторы,
Труб фабричных окружение, -
До свиданья, славный город,
Грозный город оружейник!

На платформах часовые
В ватниках и шлемах черных.
Танки высятся стальные
Под брезентом на платформах.

Рвется в двери хвои запах,
Пролетают полустанки.
Мчит без усталости на запад

Эшелон тяжелых танков.

И от гор до самой Волги
Над землей февральской снежной
Люди смотрят взором долгим,
И растет в сердцах надежда.

Эшелон в начале февраля 1943 года прибыл и разгрузился в подмосковном танковом лагере.

11 февраля 1943 года Сергей Орлов был зачислен в 33-й отдельный гвардейский танковый полк прорыва. Командиром полка был назначен бывший начальник эшелона подполковник К.Б. Михалев. Приказом командира полка от 15 февраля 1943 года гвардии лейтенант С. С. Орлов назначается на должность командира танка КВ-1.

«Полк сгружался на станции Назия. Станции не было, от нее осталась только коробка водонапорной башни. Все здесь было разбито и сожжено, и засыпано за зиму белым снегом. Поодаль и вокруг стояли высокие оранжевые сосны с побитыми кронами; в сиреновом рассветном небе кружилась немецкая «рама», разглядывая сверху, как сгружался полк...

... Механики в открытые люки следили только за командиром машины, как оркестранты за дирижером, и осторожно вели танки по платформам состава, повинуясь движениям командирских рук... нет, не просто спустить машину на землю: гусеницы кладут траки по ободьям платформы: чуть вправо, чуть влево – и пятидесятитонная машина грохнется с нее. Командиры идут, пятясь спиной, и смотрят только на гусеницы; ладонями рук они легонько прессуют воздух то правой, то левой или же манят вместе разом на себя так, как манят на себя маленьких детей, учащихся ходить...

...Утро мартовское, морозное, солнечное. Наст золотистый... корочка хрустит под валенками. Но воздух пропитан полотнищами выхлопных газов и поэтому горчит...

... Позади остались тысячи километров пути, с Урала через всю Россию, с бешеной скоростью, с остановками эшелона только для смены паровозов: горячий обед подвозился на лошаденках прямо к теплушкам, девять минут – и вся раздача закончена ... в теплушках полыхала жаром раскаленные добела железные печки и звенела песня:

Прощай, страна, прощай, моя любимая.

Стучат колеса, мчится эшелон.

А я сижу и вспоминаю, где же улица родимая,

Где же этот переулочек и дом...»

Это – отрывок из автобиографической прозы Сергея Орлова, которую он начал в 1972 году, но которую не закончил, исписав всего несколько страниц.

По окончании формирования полк получил задачу: передислоцироваться на Волховский фронт, где поступить в распоряжение 8-й армии. В пути следования эшелон на несколько дней был остановлен на станции Череповец. Сергей с разрешения командования полка, несмотря на февральскую вьюгу и бездорожье, где попутным транспортом, а большей частью пешком, за двое суток преодолевает расстояние 240 км до Белозерска и обратно, чтобы несколько часов побыть с матерью, увидеть родной город после двухлетней разлуки.

Матери

Ты обо мне, родная не скучай,

Благословив в тяжелую дорогу.

Пройдет война, и я в любимый край

Опять вернусь к знакомому порогу.

Пролег на запад наших танков след,

Зовет земля, и мы, внимая зову,

Ведem машины вдаль, путем побед,
И в том клянемся верностью сыновьей.

Не надо слез над строками письма...
Встречая пепел вместо сел, средь поля,
И нам бывает нелегко весьма,
Но мы не плачем, зубы сжав до боли.

Сейчас на фронте месяц март, весна,
Уже покрылись ржавчиной дороги,
И так ясна снегов голубизна,
Что кажется, и в мире нет тревоги.

Сияет солнца непреклонный свет,
И снег в полях уж под лучами тает,
И нам идти за ясным солнцем вслед,
Как солнце снег, врагов с земли счищая...

Совершив передислокацию, полк в составе Волховского фронта приступил к подготовке боевых действий.

Сковать армии врага на всем фронте от Мги до Ораниенбаума, втянуть их в изнурительные, кровопролитные, затяжные бои, перемолоть немецкие части, стоявшие в обороне, — вот что предопределялось Ставкой.

Огневые налеты и авиационные бомбежки, танковые рейды и разведки боем как бы предшествовали атакам пехоты, однако пехота оставалась в своих укрытиях, в траншеях и блиндажах. Захват территории не играл здесь решающей роли. Таким образом, вся тяжесть этой изнурительной войны ложилась на танковые подразделения, ибо танки чаще всего вызывали огонь на себя, позволяли корректировщикам засечь вражеские огневые точки. Это

была незаметная, непрославленная война – война на истребление, на уничтожение врага.

Друзей немало хоронили,
Погибших под огнем в бою.
Но те, кто снова в бой ходили,
Никто не верил в смерть свою.
Все потому, что, встав по знаку
Ракеты, устремленной ввысь,
Шли в смертный бой друзья, в атаку,
По молодой земле – за жизнь!

Под Карбуселью Сергею Орлову впервые довелось не только стрелять самому, не только чувствовать, что и в него целятся и стреляют, но и видеть, как гибнут товарищи, с которыми только недавно успел сдружиться.

Иван Григоренко, командир танковой роты, в которой служил Сергей Орлов, позднее вспоминал: «Как-то две роты полка были посланы под Карбусель. Там должна была начаться разведка боем. Поставили задачу – захватить высоту, на которой стояла какая-то деревушка. Бой выдался тяжелым. Танки почти не имели простора для маневрирования, а у фашистов вся местность была хорошо пристреляна. И все-таки приказ есть приказ, и рота вышла к своей цели. Григоренко с командирами взводов поддерживал связь по рации. Вот лейтенант Орлов доложил, что успешно начал бой: разбил две противотанковые пушки противника, а третью огневую точку пока не может обнаружить ...

В башне Орлову было угарно и душно от скопления пороховых газов. Моторы ревели. Земля то вставала дыбом, то уходила куда-то вниз. Механик-водитель подвел машину почти вплотную к вражескому доту – Орлов прицелился... Выстрел. И только щепки, и грязь взлетели вверх».

18 марта 1943 года Карбусель не была взята. Потери, который понес 33-й полк прорыва, были серьезные: многие товарищи не вернулись из этого боя.

19 марта бой за Карбусель возобновился.

Бывший заместитель командира роты по технической части этого полка Андрей Батенев вспоминает: «19 марта после тщательного изучения местности полк получил задачу прорвать оборону противника в направлении деревни Карбусель. Рано утром из выжидательного района, находящегося в 12 километрах от переднего края, полк в период артподготовки вышел на исходный рубеж и атаковал передний край противника. Болота мешали проведению маневра, это помогало противнику вести по нашим танкам прицельный огонь. Наша рота тогда потеряла много танков и личного состава».

Стихотворение «Карбусель» С. Орлов написал ночью 18 марта 1943 года, это был первый в его жизни наступательный бой – ожесточенный, кровавый, страшный.

Карбусель

Мы ребят хоронили в вечерний час.

В небе мартовском звезды зажглись...

Мы подняли лопатами белый наст,

Вскрыли черную грудь земли.

Из таежной Сибири, из дальних земель

Их послал в этот край народ,

Чтобы взять у врага в боях Карбусель

Средь глухих ленинградских болот.

А была эта самая Карбусель –
Клок снарядами взбитой земли.
После бомб на ней ни сосна, ни ель,
Ни болотный мох не росли...

А в Сибири в селах кричат петухи,
Кедрачи за селом шумят...
В золотой тайге на зимовьях глухих
Красно-бурые зори спят.

Не увидеть ребятам высоких пихт,
За сохатым вслед не бродить.
В ленинградскую землю зарыли их,
Ну, а им еще б жить да жить!..

Прогремли орудия слово свое,
Иней белый на башни сел.
Триста метров они не дошли до нее...
Завтра мы возьмем Карбусель!

Это было 19 марта 1943 года
Над Ладогою шла весна.
Был март. И снег ложился мокрый
На сосны мачтовые, на
Весь приозерный дикий округ.

С пяти до десяти была
Артподготовка. Сосны срезав,
Передний край врага мела

Гроза огнем, свинцом, железом...

Сигнал атаки прозвучал
Открытым текстом в шлемофонах,
И лес разверзся, зарычал
И двинул вдаль слонов по склонам.

Белы, приземисты и злы,
Они полезли на высоты,
Ломая тяжкие стволы,
И вслед за ними шла пехота.

Так высота взята была.
И вылез командир из башни,
Взглянул – сожженная дотла,
Земля лежала правдой страшной...

На ней святая кровь друзей.
И командир, смежив ресницы,
Подумал горько, что на ней
И колос, может, не родится.

Позднее в этих же кровопролитных мартовских боях танк Сергея Орлова был подбит. С сорванной гусеницей машина встала в тысяче метров от боевого охранения, встала среди болотных топей, заметенных снегом, и потухших, как свечи, обугленных елей. Если бы не снежная заметь, то машину в упор бы расстреляли немцы. Но метель и мартовские сумерки спасли экипаж. Спасли от обстрела, но не от мороза, который был нестерпим в этой, казалось, потерявшей всякие признаки жизни броневой громаде.

В подбитом танке

Морозной ночью в тесной башне

Броня от холода горит.

О чем-то мне ненастоящем

Товарищ тихо говорит.

Тепло товарищ вспоминает...

Он врет, нет на земле тепла!

Одна пустыня снеговая

Вчера и завтра, снег и мгла.

И я кричу ему: - Отставить!.. —

Но знаю — тыщу метров нам

Лишь до тепла, но танк оставить?..

Нет! Коченей назло врагам.

Седи и бей из пулемета,

Чтоб пальцы на крючке свело.

А коль не подойдет пехота,

Зажгут нас, - будет нам тепло.

12 дней пришлось провести экипажу в подбитом танке, пока наконец экипаж не отремонтировал машину своими силами и не привели ее обратно в часть.

Это был первый в жизни Сергея наступательный бой.

После продолжительных боев за карбусельский узел сопротивления полк был выведен в резерв армии. С 1 апреля до июня 1943 года полк

активных боевых действий не вел, проводил ремонт и восстановление материальной части в населенном пункте Городище.

Возле деревни Дусьево, где располагались тылы 8-й армии, в частности находилась редакция армейской газеты «Ленинский путь», в которой в то время работали Лев Ильи Левин и Дмитрий Терентьевич Хренков, которые оказали большое внимание молодому поэту в публикации его стихотворений. Только за май 1943 года в газете было помещено 5 стихотворений Сергея Орлова. Это свидетельствует не только о крепкой связи поэта с газетой, но и о его умении работать с большим напряжением. Не случайно у работников газеты появилось желание перевести Орлова на работу в редакцию, но в связи с тем, что он был не рядовым бойцом, а командиром танка, это сделать не удалось.

В этот период фронтовой оператор А. Л. Богоров считал возможным сделать специальный сюжет об Орлове для фильма «Поэты Волховского фронта» (1943 г).

У костра
В перелеске давно рассвело.
Мы костер разложили с утра.
Хорошо нам сидеть у костра,
Забирая горстями тепло.
Это очень похоже на дом —
Можно, сидя на хвое, вздремнуть...
И танкист задремал над огнем,
Головой склонившись на грудь.
Он сидел на разбитой сосне,
Улыбаясь сквозь пламя костра;
Знать, привиделась парню во сне
Золотистого дота пора.
Дом знакомый, тропинка к нему,

В палисаде рябина да клен,
И девчонка, как песня в дому,
Та, в которую парень влюблен...
Но сигнал пролетел над леском,
Звали нас боевые пути
И поднялся уже над огнем
Паренек, воротник опустив.
Он спросил, как обычно: «Пора?»
Под ногами взметнулась зола.
И к машине ушел от костра,
Зачерпнув на дорогу тепла...
И, тяжелые годы прожив,
В мирный вечер, за далью боев
Вспомнит парень, слегка загрустив,
О привалах у дымных костров.

«Лето сорок третьего года выдалось сухое, жаркое, - вспоминал Орлов.
– Даже болота на Волхове подсохли и дымились на солнце, зажженные
термитными снарядами... на Курской дуге шли тяжелые бои. В дикую жару
сходились в лоб сотни танков, лопалась броня, черный дым и пламя валили в
щели, небо дрожало от стрельбы и воя самолетных моторов; белые облачка
несчетных разрывов пятнали чистый синий небосвод... но все это было
далеко, почти за тысячу верст. Потому-то солдатам на Волхове и казалось,
что по всему фронту стоит жара и тишина, хотя и здесь шли кровавые, но
глухие бои. Людей было мало. В атаку ходили группой человек в
пятьдесят... было даже приказано, чтобы водку, положенные сто грамм,
выдавали за пять-десять минут перед атакой, не раньше, не позже, - а то
развезет, вместо того чтобы взбодрить усталых людей...

... Вдруг глухо начинала постреливать пушчонка, вытащенная на
прямую наводку, строчили пулеметы и автоматы. Из наших траншей в этот

жаркий день люди бежали к чужим траншеям, но, не достигнув их, падали в мох; обратно приползали немногие. Через несколько часов все начиналось снова... И так изо дня в день, без успеха, без конца».

Все болота, болота...
На вершки, на шаги
Здесь считает пехота
Расстоянье до Мги.

Словно черные свечи,
Ели в черных снегах,
А за черною речкой
В черном зареве Мга.

Там за речкою дзоты –
В семь рядов семь траншей.
Через все ты, пехота,
К ней пробиться сумей!

Через снег и трясины,
Где зимою вода,
Где все мины да мины,
Ты не ступишь куда;

Где лежат в маскхалатах
На снегу снайпера
И стучат автоматы
От утра до утра.

17 сентября 1943 года Сергею Сергеевичу Орлову приказом командующего 8-й армией было присвоено очередное воинское звание – гвардии старший лейтенант.

К концу 1943 года Волховский фронт пришел в движение. В воздухе витало явное предощущение наступления. Фронтовики рассказывают, что так, бывало, всегда: еще не поступало конкретной информации, не доводились приказы, но какой-то особый дух, особый настрой начинал царить. Волховский фронт готовился к прорыву блокады Ленинграда, к большим боям.

В командование полком вступил гвардии полковник Александр Спиридонович Кислицын. 18 января 1944 года командир полка в торжественной обстановке вручил личному составу медали «За оборону Ленинграда». Эта медаль, буквально через месяц спасла жизнь Сергея Орлова.

20 января 1944 года танкисты отбили у врага Новгород.

Сергея Орлова, следующего в колонне полка по Новгороду, взволновал вид города, который лежал в развалинах. Сиротливо выглядели чудом уцелевшие около 40 домов. За два года пребывания в городе фашисты постарались превратить древний русский город в руины.

Танки в Новгороде
Мать – новгородская София...
Стены опаленного кремля...
Через улицы твои пустые
Мы прошли с ветрами февраля.

Громыхая тяжкою броней,
Будто витязи седых времен,
Александра Невского герои –
Танковый отдельный батальон.

Земля Новгородская

1

Сердца стук как короткий стон...
Хоть на тридцать минут бы в сон,
Чтобы встала дорога вдруг,
Чтобы тихо было вокруг,
Чтобы вылезти из-за рычагов
Лишь на тридцать минут всего.

Но навстречу леса, поля,
Новгородская мать-земля,
Села древние без людей
Молят будто: приди скорей!
Оскверненная старина...
Сердце, сердце, нам не до сна.

2

На стене одного новгородского дома я увидел надпись: ESPANA

Здесь на фасаде рухнувшего зданья
Широкой кистью, буквы вкривь и вкось,
Написано старательно «Эспанья», -
Читать мне эту надпись довелось.

Танкист полковник, подошедший с нами,
Остановился вдруг перед стеной, -
Он, может, вспомнил камни Гвадаррамы,
Горячий полдень и далекий бой.

Парней черноволосых астурийских,
С которыми на танке в бой ходил,
На отдыхе на ломаном английском
О дорогой России говорил...

А рядом, в старой колее колесной,
Отвергнутый далекой страной,
Весь темнолицый и черноволосый,
Лежал солдат «дивизьи голубой».

З
Тысячелетия России
Разбитый памятник в снегу
И купола святой Софии –
Мы все запишем в счет врагу,
И через Волхов мост старинный
Мы им напомним в этот час,
Когда о взятии Берлина
Над миром прозвучит приказ,
И мать городов старинных
Простит нам прошлые дела,
Когда на поруганье им мы
Ее отдали купола...

Успешное развитие наступления Волховского и Ленинградского фронтов на флангах 18-й немецкой армии создало угрозу для войск противника, удерживающих позиций на мгинском направлении. Стремясь избежать катастрофы, немецко-фашистское командование в ночь на 21 января начало отводить войска с мгинского выступа. Обнаружив отход

противника, полк перешел в наступление и совместно с другими частями овладел узлом железных дорог, городом Мга.

Это событие имело особое значение для восстановления полноценного железнодорожного сообщения Ленинграда с Большой землёй.

«Как долго ленинградцы мечтали об освобождении Мги! – отмечал военный журналист Абрам Вениаминович Буров в книге «Блокада день за днем». – Многократные попытки освободить Мгу стоили больших жертв, но успеха не принесли. И вот Мга, превращенная фашистами в мощный опорный пункт обороны, освобождена. Прямой железнодорожный путь на восток открыт!». И если после начала блокады Мга была символом надежды, то теперь Мга стала символом победы.

Мга

Где пройдет лишь одна пехота,
Утопая во мхах на бегу,
Танки мы вели по болоту
Сквозь пургу на станцию Мгу.

Рычаги натрудили плечи,
У механиков злость одна:
Встали перед Черной речкой,
Без воды она и без дна.

Через чертову Черную речку
Нет ни брода и не моста.
Забросать и засыпать нечем,
Только мы не отступим так!

В жидкой грязи почти по пояс
Мы работали на ветру,

До бровей льдом и инеем кроюсь,
И к рассвету, почти к утру,

Мы засыпали эту прорву
Всем, что под руку попадет.
Исступленно взвыли моторы.
Танк, казалось, в торфу плывет.

И на берег ступивши чадный,
Мы не чувствовали уже,
Что курнуть и погреться надо,
Что одежда на нас, как жесть.

Занимали места без сигнала...
Где-то близко, в дымных снегах,
Нас два года прождав, лежала
Пресловутою ставшая Мга.

Мга

Ах, какой мы штурмом взяли город
На заре морозной в январе!
В нем сирень клубится, а не порох,
Дети в каждом доме и дворе.

Год мы этот город штурмом брали!
Над болотом с черною водой
Танки шли, горели, догорали,
Столбики вставляли со звездой...

Музыка играет на вокзале,
В парке птицы на ветвях свистят.
Девушки с зелеными глазами
Пьют в кафе стеклянном лимонад.

Полк однажды вновь завел моторы.
За колонной хлынули ветра.
В рост, не нагибаясь, шли саперы
Там, где был передний край вчера.

Людям стало жарко на морозе.
Стлали гати, ставили мосты.
И гармошка драная в обозе
Жала на басы до хрипоты.

В окнах тыща солнц встает с рассвета,
Улицы веселия полны.
Он красив и молод, как планета,
Никогда не знавшая войны.

Белый город с небосводом синим.
От позиций наших в давний год
Пять минут всего, пожалуй, ныне
Электричка до него идет.

Полк моторы заглушил, как умер.
Нам открылся город на заре.
Лишь стучал штабной морзянки зуммер
На заре вечерней в январе.

Ничего. Ни дома и ни дыма.
Ни души в округе. Падал снег...
Медленно, бесшумно, нелюдимо...
День кончался. Начинался век.

Танковому полку за отличие в боях по овладению городом Мга приказом Верховного Главнокомандующего было присвоено наименование «Мгинский».

6 февраля полк получил задачу наступать в направлении Новгород-Псков. На линии Псков, Остров и по реке Великой противник создал оборонительный рубеж «Пантера», основу которого составляли опорные пункты и узлы сопротивления, насыщенные большим количеством артиллерийских, пулеметных, железобетонных, броневых и деревоземляных огневых точек. Они оборудовались во всех населенных пунктах, в узлах дорог, на господствующих высотах и имели развитую систему основных и отсеченных позиций, прикрытых многослойным огнем, миновзрывными и проволочными заграждениями.

17 февраля 1944 года взвод гвардии старшего лейтенанта С. С. Орлова атаковал сильно укрепленную высоту в районе деревни Гора, что северо-восточнее города Пскова. Взвод уничтожил 5 дзотов, два противотанковых орудия и до 20 солдат и офицеров противника. Когда до переднего края осталось несколько сот метров, танк Сергея Орлова резко остановился, подорвавшись на противотанковой mine. Немцы, заметив поврежденный танк, открыли по нему огонь из противотанковых орудий. Первый снаряд, пробив борт танка, разорвался внутри машины, смертельно ранив трех членов экипажа. Танк был охвачен пламенем. Орлов вместе с водителем механиком продолжили вести огонь. Вскоре второй снаряд разорвался внутри танка. Один осколок должен был угодить в сердце командира взвода, но удар приняла на себя медаль «За оборону Ленинграда», она защитила его от

смертельного ранения. Осколок смял медаль, исковеркав ее вместе с комсомольским билетом.

Оставшиеся в живых командир и механик-водитель, теряя сознание, с трудом вырвались из пламени и дыма. Обгоревших, истекающих кровью, их нашла молоденькая медсестра в глубокой воронке от разрыва снаряда. Когда Сергея Орлова доставили в медсанбат, от болевого шока он потерял сознание, кожа лоскутами свисала с его лица.

К вечеру очнулся в темноте,
Ничего не видели глаза.
Не пошевелился, а хотел,
Не промолвил, а желал сказать.
Только и осталось у него
Сердце, что колотится в груди.
Вот и всё. А полз он для чего?
Ничего не видя впереди.
Для чего горящее белье
Рвал с себя и на снегу тушил,
Тело непослушное свое,
По полю под пулями тащил.
Через вражеский прорвался круг,
И приполз к своим, как червь черен,
Парабеллум выпустив из рук
Вместе с кожей он.
Значит зря все муки принимал,
Лучше бы тогда в огне сгореть,
Чем теперь, когда к своим попал
Глупо так в кровати умереть.
Значит кончилась его пора.
Значит больше на земле не жить.
Но раскрылся черный рот: «Сестра,

Пить!...»

Пить. И начинается пора
Жаром полыхающих ночей,
Забытья минутного с утра,
Колдовства измученных врачей...

Пистолет из рук не выпуская,
Выскочил из люка, задыхаясь.
На пути двоих убил гранатой
И приполз, а на лице нет кожи.
И врачи сказали в медсанбате:
Этот парень вряд ли выжить сможет.

С губ слетело хриплое проклятье:
Значит, полз и принимал все муки
Для того, чтоб умереть в кровати,
На груди сложив спокойно руки?
Смерть пришла, назвал ее бесстыжей,
Жить решил назло всему, – и выжил!

Деревня Гора

В небе клубы дыма плыли,
Пламя прядало, шурша,
Ни одна, когда отбили,
Нас не встретила душа.

По угрюмой и пустынной

В наступившей тишине,
Люки распахнув в машинах,
Мы прошли тогда по ней.

И забыл ее бы просто,
Я деревню на бугре,
Если бы не привелось мне
За деревнею гореть.

Рыжим кочетом над башней
Пламя встало на дыбы...
Как я полз по снежной пашне,
До окраинной избы,

Опаленным ртом хватая
Снега ржавого куски,
Пистолет не выпуская
Из дымящейся руки.

Не расскажешь в этой песне,
Да и ни к чему. Потом
За меня ребята честно
Расквитались там с врагом.

И осталась несожженна
Деревенька вдоль бугра
На земле освобожденной.
Под названием Гора.

Я её вспоминаю снова
В полушубке солдатском, в каске,
В сапогах пудовых кирзовых,
В давней были, как будто в сказке.

Мины падали, снег сметая,
Обнажая до дна болото.
Кровью на снегу залитая,
Залегла — не встаёт — пехота.

Ткнувшись в снег головой неловко,
Ни назад, ни вперёд ни шагу,
За убитыми, как за бровкой.
Поле ровное, как бумага.

И горит там после атаки,
За деревней Гора у леса
Наша рота, все наши танки,
На газойле горит железо.

А она мне встала навстречу,
Головою ткнулась под мышку
И свои подставила плечи.
— Ты держись, — говорит, — братишка!

— Ты держись! — И скинула каску,
И пошли мы по полю с нею,
С нею, тоненькой и глазастой,
Нос веснушками весь усеян.

Про таких говорят заглазно,
Что ни кожи, ни рожи нету.
Шла она в снегу непролазном
От кювета и до кювета,

Там, где пели пули и мины,
До деревни Гора к танкистам,
Да ещё подставляя спину,
Да ещё твердила: — Держись ты!

А потом она парабеллум
У меня взяла осторожно.
К рукоятке его прикипела,
Как перчатка, с ладони кожа.

Постояла возле носилок
И ушла к пехоте без слова.
Это в сорок четвёртом было
У деревни Гора под Псковом.

Фронтовой путь поэта закончился госпиталем с труднейшими операциями по пересадке кожи на лице. В начале апреля 1944 года Орлова перевели в эвакогоспиталь №1931 г. Череповца. Хирурги сумели прижить свободный лоскут кожи к вывороченному веку и тем самым остановить непрерывное слезотечение, сохранить зрение офицеру-танкисту.

За умелое руководство подчиненными в бою и проявленную при этом отвагу, нанесение противнику урона в живой силе и в огневых средствах гвардии старший лейтенант С. С. Орлов был награжден орденом Отечественной войны II степени.

Хотя по состоянию здоровья Сергея Орлова комиссовали из рядов Советской Армии, он всеми мыслями был со своими товарищами-танкистами, добивающими врага в его логове – в Берлине.

Тысячи героев

Не один, не два, не трое
На огромную страну,
Надо тысячи героев,
Чтобы выиграть войну.

Сотни тысяч надо славных
Смело рвущихся вперед,
И в войне, в боях кровавых,
Стал героем весь народ.

Весь: рязанский, ленинградский,
Эриванский и сумской,
Что в шинелишке солдатской
Дышит, курит, ходит в бой.

Слова лишнего не скажет
Про свою к стране любовь...
За нее в сраженьи ляжет,
Не жалея жизнь и кровь.

Список литературы

1. Дементьев В. Мой лейтенант. – Москва: Советский писатель, 1981 г.
2. Кочуров Г. А. Память веков. – самиздат.

3. Оботуров В. А. Костры на ветру: Поэзия С. Орлова. – Архангельск; Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во. Волог. отд-ние, 1982. – 270 с.
4. Орлов С. С. Собрание сочинений. В 3-х томах. Т. 1. Стихотворения и поэмы. / Предисл. Л. Лавлинского. М.: Худож. лит., 1979. - 478 с.
5. Орлов С. С. Костры. – М.: Советский писатель, 1978 г. – 248 с.
6. Орлов С. С. Наедине с тобой. – М.: Современник, 1978 г. – 187 с.
7. Орлов С. С. Мой лейтенант. Лениздат, 1972 г.
8. Орлов С. С. Россия есть у каждого своя: Избранные стихотворения. – Вологда: Древности Севера, 2021. -384 с.
9. Панкеев И. А. Сергей Орлов: Судьба и творчество. – М.: Сов. Россия, 1988. – 160с.
10. Сергей Орлов. Воспоминания современников. Неопубликованное/ [Сост. В. С. Орлова]. – Л.: Лениздат, 1980. – 320 с., ил.
11. Хренков Д. Т. А был он лишь солдат... М.: Современник, 1981. – 207 с., 8 ил.

Электронные источники

1. Память народа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie31550256/?ysclid=m1hu83ek7v120994960
2. Танковый фронт 1941-1945: <http://tankfront.ru/ussr/train/utb/utb22.html?ysclid=m1hunmhwsg935437189>
3. Указатель частей и соединений РККА 1941-1945 https://rkka.wiki/index.php/33_отд._гв._танковый_полк